

GENNADIJ ZELDOWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4437-2802>

Uniwersytet Warszawski

ОБ ОДНОМ НЕИССЛЕДОВАННОМ ФАКТОРЕ, УСКОРИВШЕМ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЮ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ON ONE UNSTUDIED FACTOR THAT PROMOTED GRAMMATICALIZATION OF VERBAL ASPECT IN RUSSIAN

The paper is devoted to a yet unstudied driving force behind the development of the verbal aspect in Old East Slavic. It consisted in crucial asymmetry between two classes of prefixal verbs: those with a lexical prefix (i.e. prefix considerably changing the meaning of the stem) and those with a semantically bleached one. On the one hand, these kinds of verbs were all in all of the same formal complexity, and, by iconicity principle, could be expected to display similar functional behavior, but, on the other hand, the result implied by verbs with lexical prefix was less natural, and hence less integral, as it were more “fragile” was the relevant “scenario”. For this reason, Old East Slavic undertook various measures towards mitigating the disparity, and one of them consisted in extensive formation of so-called secondary (proto)imperfectives.

Keywords: Old East Slavic, verbal aspect, lexical prefix, semantically bleached prefix, functional asymmetry, (proto)imperfectives

1. ГИПОТЕЗА

Согласно современному взгляду, к возникновению грамматикализованного вида в русском языке привел целый ряд (не обязательно последовательных) процессов, которые в самых общих чертах можно представить следующим образом¹.

Во-первых, когдатошные сочетания морфологически простого глагола с адвербиалом стали превращаться в единый приставочный глагол.

¹ Опираемся в основном на работу: В. Wiemer, I. Seržant, *Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us?* // W. Bisang, A. Malchukov (ред.), *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*, Language Science Press, Berlin 2017, с. 239–307. Там же см. обстоятельный список литературы.

Во-вторых, если изначально глагольные префиксы обладали вполне внятным, чаще всего пространственного характера собственным значением, то затем по крайней мере у некоторых из них и по крайней мере в некоторых употреблениях значение это размывалось, становясь либо слабозаметным вообще, либо слабозаметным на фоне контекста, прежде всего — на фоне глагольного корня, хотя иногда и на фоне контекста фразового².

Оговорим сразу, что хотя вопрос о том, имеет ли такого рода приставка собственный внятный, поддающийся более или менее отчетливой формулировке смысл, принадлежит к самым дискуссионным в славянской аспектологии и хотя похоже на правду, что смысл этот у подобных приставок есть³, для нас данная проблема не особенно важна. Важным будет то, что и в случае, если подобная приставка семантически «пуста»⁴, и если она мимикрирует с контекстом, ее появление *не усложняет структуру уже обозначенного в корне события*; см. ниже.

В-третьих, однажды появившись, «десемантизированные» приставки стали употребляться все чаще, а их репертуар стал расширяться.

В-четвертых, префиксальный глагол перестал употребляться в прогрессивном значении.

Наконец, решающим этапом в грамматикализации вида было закончившееся приблизительно к XVI веку широкое распространение вторичных (прото)имперфективов — то есть глаголов типа *прикрывати, одевати, свивати, заворочати, заступати*, которые обладали суффиксом типа *-ыва-, -ва-, -а-* и которые, если они сохранились в более позднюю пору, стали

² См. многочисленные работы С. Дики, среди прочих: S. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect*, CSLI Publications, Stanford 2000; S. Dickey, *The varying role of po- in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: Sequences of events, delimitatives, and German language contact*, «Journal of Slavic Linguistics» 2011, № 2, с. 175–230.

³ См. особенно: M. Vey, *Les préverbes «vides» en tchèque modern*, «Revue des études slaves» 1952, т. 29, fasc. 1–4, с. 82–107; C. van Schooneveld, *The so called 'préverbes vides' and neutralization // Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958*, Mouton, The Hague, 1958, с. 159–161; A. Endersen, L. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Markarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Russian «purely aspectual» prefixes: Not so «empty» after all?*, «Scando-Slavica» 2012, № 2, с. 229–289.

⁴ Ниже, когда мы говорим о семантически «пустой» либо «опустошенной» приставке, соответствующее слово берется в кавычки, чтобы указать на условность подобных определений.

современными вторичными имперфективами (иногда претерпев непринципиальные морфологические модификации; ср., например, древнее *заворочати* с суффиксом *-а-* и современное *заворчивать* и *-ива-*)⁵.

Какие обстоятельства были движущей силой этих процессов? По-видимому, главной тут стала потребность как можно четче разграничить ситуации, взятые в своей законченности (особенно это касается, конечно, телических ситуаций), и ситуации, представленные в своем протекании⁶. Есть также причины допустить, что вторичные (прото)имперфективы помогали более тонко нюансировать внутреннюю иерархию дискурса, ибо как правило они появлялись на, так сказать, привилегированном подплане второго плана⁷, и весьма вероятно, что широкое их распространение было ответом на определенные прагматикориторические нужды.

Вместе с тем, кажется, что продуктивность вторичных (прото)имперфективов объяснима также одним дополнительным обстоятельством, на которое, по-видимому, никто пока не обратил внимания.

Начнем издалека.

Как хорошо известно, если мы имеем дело с телическим или моментальным действием, то есть действием, приводящим либо должествующим привести к результату, то последний способен быть и более, и менее прямым. Например, у действия 'Маша сварила суп' есть прямой результат 'суп существует' и могут быть в разной степени косвенные результаты: 'Маша показала свое кулинарное мастерство', 'ее семья сыта' и т.д., вплоть до чего-то не очевидного без серьезной контекстной поддержки, вроде 'в холодильнике не осталось продуктов', 'Маша смотрит свысока на менее умелых домохозяек', 'Маша от усталости плохо себя чувствует' и проч.⁸.

⁵ Опираемся здесь на работы: Ю.С. Маслов, *Избранные работы*, Языки славянской культуры, Москва 2004, с. 131–140; В.Б. Силина, *История категории глагольного вида* // Р.И. Аванесов, В.В. Иванов (ред.), *Историческая грамматика русского языка*, Наука, Москва 1982, с. 158–279.

⁶ См., например, богатую материалом книгу: N. Bermel, *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, University of California Publications in Linguistics, Berkeley, Los Angeles, London 1997.

⁷ См.: Г.М. Зельдович, *О природе прототиводовой оппозиции в древнерусском языке*, «Wiener Slawistischer Almanach» 2015, Band 75, с. 231–336.

⁸ Представление о наиболее естественном результате, разумеется, стоит и за понятием естественного перфектива, которое весьма важно для современ-

Чем результат непосредственнее, тем более скудными средствами на него допустимо указывать: в оптимальном случае таковыми становятся сам глагольный корень, граммы вида и/или времени и, возможно, еще какая-то морфема-сателлит, в русском языке — глагольная приставка. Что же касается экзотических результатов, то для сообщения о них обычно используются более сложные и семантически нагруженные показатели — как, допустим, связанные со способом действия глагольные конфликты, особые обороты результативного значения (ср. *Маша написала статью, доработавшись до обморока*), либо даже отдельные, автономные предикации (*Маша написала огромный раздел для книги. Теперь она плохо себя чувствует*).

Отсюда видно, что носители языка проявляют немалую и обретающую формальное выражение чуткость к тому, насколько сложна структура действия: задается ли она просто семантикой глагольного корня или же этой семантикой вкупе с другими дополнительными обстоятельствами⁹.

Поэтому если в данном языке присутствуют глаголы с «пустыми» префиксами и глаголы с приставками полнозначными и если употребляются они с сопоставимой частотой, то есть никакая из названных групп не маргинализована, то возникшее положение может быть для носителей языка дискомфортным. Чем большей сложностью обладает действие, тем труднее нашей мысли воспринимать его как единое целое, труднее воспрепятствовать его, так сказать, когнитивной эрозии, а потому когда одна и та же словообразовательная модель используется равным образом и в случае действий в оговоренном смысле простых, и действий усложненных, это нарушает известные иконические принципы и может подтолкнуть язык к перестройке его соответствующей подсистемы.

Мы думаем, что именно так дело обстояло в древневосточнославянском (далее часто сокращаем это прилагательное до

ных аспектологических работ, в частности для названной статьи: А. Endresen и др. О резко различной частотности перфективов «естественных» и «неестественных», см. особенно с. 242–243.

⁹ Понятно, что сказанным не исключается типологическая вариативность соответствующих средств; вспомним хотя бы многожды изучавшуюся и чуждую русскому языку английскую конструкцию вида *dance someone breathless* ‘танцевать с кем-то так долго (интенсивно), что партнер выбился из дыхания’, *starve someone dead* ‘каузировать чей-то голод в такой степени, что голодающий умер’ и т.п.

ДВС) языке XII–XIII веков, и хотим ниже привести свидетельства в пользу двух взаимосвязанных тезисов¹⁰.

С одной стороны, в части письменных произведений между глаголами с полнозначной приставкой и глаголами с приставкой десемантизированной наблюдались более или менее заметные, а иногда и просто разительные функциональные асимметрии. Характер их был следующим.

Во-первых, в некоторых случаях для глагола с полнозначной приставкой достаточно наглядным образом избегалась инфинитивная форма. Инфинитив, как хорошо известно, обычно используется при обозначении ирреальных (будущих, потенциальных, долженствующих состояться) ситуаций, а обеспечить в нашем сознании целостность сложной ситуации проще, если она вся мыслится как действительно осуществленная.

Во-вторых, по крайней мере в части обследованных текстов количество непереходных глаголов с полнозначной приставкой осязаемо превосходит численность интранзитивов с приставкой семантически «опустошенной». Дело в том, что уберечь ситуацию от «расползания» можно, просто сократив, так сказать, ее объем, длину соответствующей каузальной цепи. Достичь этого проще всего, избегая переходных глаголов, которые в прототипическом случае относят к довольно длинной каузальной цепочке, чьим первым звеном становятся действия агенса, заключительным — изменения в пациенсе, а между этими звеньями возможны еще одно или даже несколько добавочных.

В-третьих, в обследованных текстах непереходные глаголы с полнозначной приставкой больше, чем непереходные глаголы с десемантизированной, тяготеют к неэргативности. Это также объясняется тем, что в общем случае неэргативы имплицитно имеют более простую структуру ситуации, нежели неаккузативы.

Наконец, в-четвертых, между обсуждаемыми глагольными типами имеется еще одна, весьма простая, но от этого не менее

¹⁰ Помимо приводимых ниже прямых аргументов, подтверждающих мысль о чувствительности ДВС языка к различию между типами результата, можно найти и косвенные, но тоже весьма любопытные. Так, способы глагольного действия, связанные с откровенно аномальным, «эргативным» результатом, оформились далеко не сразу, но очень поздно, лишь в XVIII веке; см., например: S. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect Reconsidered: The East-West Aspect Division from a Diachronic Perspective* // M. Shrager, E. Andrews, G. Fowler, S. Franks (ред.), *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*, Slavica Publishers, Bloomington, IN 2015, с. 29–45, особенно с. 41.

интересная асимметрия. В нескольких произведениях частотность десемантизированных приставок хотя и сопоставима по порядку величины с частотностью полнозначных (так что соответствующее названное выше условие выполняется), но все-таки заметно — примерно в полтора-два раза — ниже. Объяснить это можно тем, что при меньшем числе глаголов с десемантизированной приставкой становится слабее ощутимым тот фон, на котором воспринимается когнитивная усложненность глаголов, несущих приставку полнозначную.

Другой же наш тезис заключается в том, что *функциональные различия между двумя типами приставочного глагола могли скрадываться или даже подвергаться инверсии (при которой преимущество по определенным свойствам либо «дефицит» определенных свойств, имевшиеся у глаголов с полнозначной приставкой, переходили к глаголам с неполнозначной) благодаря распространению вторичных (прото)имперфективов*. Есть причины думать, что появившийся у приставочного глагола суффиксальный коррелят способствовал «скреплению» соответствующего сценария приблизительно так же, как могли способствовать названные выше предпочтения. Во-первых, когда описанию определенного действия начала служить не одна лексическая единица, но две, обсуждаемый сценарий от этого не мог не становиться более устойчивым в сознании говорящих. Во-вторых, если перед возникновением вторичного (прото)имперфектива приставочный глагол обслуживал как случаи, когда действие достигло своего естественного результата, так и случаи, в которых оно оставалось незаконченным, то теперь, по известному закону прагматического разделения функций¹¹, незавершенность связывалась с вторичным (прото)имперфективом, а приставочный глагол ясно соотносился со сценарием, который полностью воплощен в реальном или релевантном возможном мире и легче воспринимается как единая событийная целостность.

Иными словами, там, где увеличивается доля вторичных (прото)имперфективов, описанные различия между двумя глагольными классами, наоборот, сокращаются либо даже уступают место различиям обратного характера, а следовательно, помимо своей прямой функции, вторичные (прото)имперфективы

¹¹ См. особенно: L. Horn, *Toward a new taxonomy for pragmatic inference: Q-based and R-based implicature* // D. Schiffrin (ред.), *Meaning, Form, and Use in Context*, Georgetown University Press, Washington 1984, с. 11–42.

выполняли также функцию куда менее очевидную, становясь своеобразными гармонизаторами языковой системы, — и такая роль обусловила их еще большую, чем принято считать, функциональную нагрузку.

Ниже оба этих тезиса — о функциональной асимметрии между ДВС глаголами с полнозначной и десемантизированной приставкой и о том, что распространение суффиксальных (прото)имперфективов служило ее сглаживанию, — будут подтверждены статистическими данными.

Сначала, в разделе 2, мы представим обследованный материал и некоторые принятые в его анализе конвенции. Собственно статистические сведения и необходимый к ним комментарий представлены в разделе 3. В разделе 4 подводятся итоги исследования.

2. МАТЕРИАЛ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА

Нами были проанализированы 8 древневосточнославянских памятников: *Повесть временных лет*, *Сказание о Борисе и Глебе*, *Хождение Богородицы по мукам*, *Сказание об Индийском царстве*, *Слово о полку Игореве*, *Моление Даниила Заточника*, *Повесть о разорении Рязани Батыем*, *Притча о человеческой душе и теле Кирилла Туровского*. Источником всех текстов стали электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН¹².

В *Повести временных лет* обследован отрывок объемом около 4800 словоупотреблений, остальные тексты подвергались сплошному анализу.

При отборе приставочных глаголов таковыми считались только те, которые, помимо словоизменительных морфем, содержат лишь корень и префикс. Игнорировались, во-первых, глаголы с суффиксом *-ну-*, как, например, *воздохнути* (ср. в *Хождении Богородицы...: И видевши Святая, и воздохнувь, и рече...*)¹³; во-вторых, имеющие приставку глаголы с постфиксом *-ся*, если без него они не употреблялись, — такие, как, например, глагол *загоретися* (ср. в том же тексте: *...аще кому загоритися храмина на четверо...*). Кроме того, не принимались во внимание глаголы,

¹² <http://lib2.pushkinskijdom.ru/> (16.06.2023).

¹³ Здесь и далее даем ДВС примеры в упрощенном написании.

производные от глаголов кратного действия (ср. опять из того же памятника: *...и различныя змия исхожаху изо усть ея...*) — ибо перфективирующую функцию приставка в них никогда не выполняла.

Глагольная приставка квалифицировалась как десемантизированной, если (а) в ДВС языке отмечен соответствующий бесприставочный глагол и (б) по семантике бесприставочный и приставочный глаголы соответствуют в современном русском языке двум глаголам, выдерживающим масловские тесты на видовую парность. Таковы, например, пары *крыти* ‘скрывать’ — *сокрыти* ‘скрыть’; *рушити* ‘разрушать, уничтожать’ — *раз(д)рушити* ‘разрушить, уничтожить’; *делати* ‘делать’ — *сделати* ‘сделать’; *казати* ‘приказать’ — *приказати* ‘приказывать’. Решая вопрос о наличии такого соответствия, мы использовали в первую очередь словарь Измаила И. Срезневского¹⁴, а также *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*¹⁵. В ряде случаев мы обращались к авторитетным современным переводам ДВС текстов, которые опубликованы ИРЛИ¹⁶. В отношении глаголов одного корня словари часто поступают непоследовательно, и в таких случаях мы позволяли себе очевидные парафразы. Например, *блзнити* у Срезневского толкуется как ‘соблазнять; приводить в досаду, в сомнение; обманывать’, а *соблазнити* как ‘ввести в грех; обидеть’; актуальным для нас был первый вариант в обеих дефинициях, и ‘ввести в грех’ мы приравняли к ‘соблазнить’, таким образом считая приставку в *соблазнити* десемантизированной.

Кроме того, считалось, что глагольная приставка не несет собственного, отличного от уже присутствующего в корне смысла, если и приставочный глагол, и его бесприставочное соответствие Срезневский перевел одинаково глаголом совершенного

¹⁴ И. Срезневский, *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, т. 1–3, Типография императорской академии наук, Санктпетербургъ 1893–1912.

¹⁵ Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько и др. (ред.), *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Русский язык, Москва 1988–2008.

¹⁶ *Слово о полку Игореве* переведено Д.С. Лихачевым; *Моление Даниила Заточника* — Л.В. Соколовой; *Сказание о Борисе и Глебе* — Л.А. Дмитриевым; *Хожденіе Богородицы по мукам* — М.В. Рождественской; *Сказание об Индійском царстве* — Г.М. Прохоровым; *Повесть временных лет* переведена О.В. Твороговым; *Притча о человеческой душе и теле* Кирилла Туровского — В.В. Колесовым и Н.В. Поньрко; *Повесть о разорении Рязани Батыем* — И.А. Лобковой.

вида. Таковы пара *кресити — воскресити*, в которой оба глагола толкуются лексикографом как ‘воскресить’ (первый встречается в *Слове о полку Игореве*, второй — у Кирилла Туровского), и пара *родити — породити*, где оба слова объясняются как ‘родить’.

В остальных случаях глагольный префикс признавался полнозначным.

При установлении, является ли глагол переходным, таковым считался глагол, сочетающийся с дополнением в винительном падеже, если оно имело пациентивную семантику, а также глагол, сочетающийся с дополнением в родительном падеже при наличии отрицания, если, вновь-таки, было понятно, что семантика у него пациентивная. Поэтому, например, переходным признан глагол *пожати* в конструкции *...не пожнете класа, не у же созревшиа, но млеко безлобиа носяца!* (*Сказание о Борисе и Глебе*). Переходным признавался также глагол, употребленный в страдательном залоге, если пациентивной семантикой обладало его подлежащее. С другой стороны, переходность не усматривалась в конструкциях *наподобие* и *пробеже Лядьску землю гоним гневом Божием* (там же), поскольку тут винительный падеж имеет значение меры, а не пациентивное, и в конструкциях *наподобие испити шеломомь Дону* (*Слово о полку Игореве*), где есть пациентивный объект, но оформляется он не винительным падежом.

О том, какие глаголы считались неэргативными, будет удобнее сказать в своем месте, в п. 3.3.

При сборе материала учитывалось каждое употребление интересующего нас слова, то есть каждая его отдельная инстанция (*token*), а не лексический «тип».

3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГЛАГОЛАМИ С ПОЛНОЗНАЧНОЙ И ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННОЙ ПРИСТАВКОЙ В ДРЕВНЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВТОРИЧНЫХ (ПРОТО)ИМПЕРФЕКТИВОВ

3.1. ГЛАГОЛЫ С ПОЛНОЗНАЧНОЙ ПРИСТАВКОЙ И ГЛАГОЛЫ С ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННОЙ ПРИСТАВКОЙ В ФОРМЕ ИНФИНИТИВА. ИХ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ И ЧАСТОТНОСТЬ ВТОРИЧНЫХ (ПРОТО)ИМПЕРФЕКТИВОВ

Как мы уже говорили, при прочих равных условиях тот сценарий, который предполагается употреблением приставочного

глагола, окажется в нашем восприятии более цельным, если он от начала до конца осуществляется в *реальном мире*¹⁷. С другой стороны, инфинитивные глагольные формы обычно появляются в модальных контекстах, то есть прототипически связаны с мысленным отчуждением ситуации от реального мира, и потому разумно предположить, что по крайней мере в некоторых ДВС текстах такие формы должны оказаться более характерны для глаголов с десемантизированной приставкой и менее — для глаголов с полнозначной.

О том, насколько этот прогноз верен, позволяют судить данные, приводимые в Таблице 1.

В двух произведениях глаголы с полнозначной приставкой употреблялись в инфинитиве значительно реже, чем глаголы с десемантизированной (первых меньше на 55% и 44,5%), и еще в одном глаголов с полнозначной приставкой тоже меньше, но уже ненамного (на 4%), так что статистическая значимость этого отставания уже сомнительна. В четырех текстах инфинитивные формы глагола с полнозначной приставкой встречались, наоборот, чаще (в одном, *Повести временных лет*, — даже значительно чаще), чем инфинитивы глаголов с «пустой» приставкой, а в одном тексте — с точно той же частотой.

С другой стороны, между тенденцией к избеганию инфинитивов первого типа и частотностью вторичных (прото)имперфективов прослеживается пускай и не очень выразительная, но очевидная обратная корреляция. Средняя частотность последних в первом-четвертом тексте составляет 15,75%, а в текстах с пятого по восьмой — 18,75%¹⁸.

3.2. НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЛНОЗНАЧНОЙ И С ДЕСЕМАНИЗИРОВАННОЙ ПРИСТАВКОЙ. ИХ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ И ЧАСТОТНОСТЬ ВТОРИЧНЫХ (ПРОТО)ИМПЕРФЕКТИВОВ

Если верно, что носителями ДВС языка принимались особые меры, чтобы обеспечить когнитивную целостность описывае-

¹⁷ Или же в мире, который художественным текстом *представляется* как реальный, но этой тонкостью здесь можно без ущерба пренебречь.

¹⁸ Подробнее: в первых четырех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов составила 12 %, 11 %, 20 % и 20 %, в последних четырех — 39 %, 9 %, 24 % и 3 %. $12 + 11 + 20 + 20 = 63$; $63 : 4 = 15,75$. $39 + 9 + 24 + 3 = 75$; $75 : 4 = 18,75$.

Таблица 1.
Приставочные глаголы в форме инфинитива и вторичные (прото)имперфективы
(порядок произведений соответствует возрастанию доли глаголов с полнозначной приставкой в инфинитивной форме)

1. Памятник	2. Общее число глаголов с полнозначной приставкой	3. Общее число глаголов с десемантизированной приставкой	4. Число глаголов с полнозначной приставкой в форме инфинитива	5. Число глаголов с десемантизированной приставкой в форме инфинитива	6. Доля употребленных в форме инфинитива глаголов с полнозначной приставкой (по сравнению с общим числом обладающих полнозначной приставкой глаголов)	7. Доля употребленных в форме инфинитива глаголов с десемантизированной приставкой (по сравнению с общим числом обладающих десемантизированной приставкой глаголов)	8. Насколько доля употребленных в форме инфинитива глаголов с полнозначной приставкой больше или меньше, чем доля употребленных в форме инфинитива глаголов с десемантизированной приставкой (в процентах)	9. Число вторичных (прото)имперфективов в тексте	10. Соотношение числа вторичных (прото)имперфективов и числа приставочных глаголов (в процентах)
<i>Сказание об Юризе и Глебе</i>	200	174	15	29	7,5%	16,3%	-55%	44	12%
<i>Повесть о разорении Рязани Батыею</i>	131	88	7	8	5%	9%	-44,5%	24	11%
<i>Письмо о человеческой душе и теле Кирилла Туровского</i>	130	100	15	12	11,5%	12%	-4%	48	20%
<i>Хождение Божьих по мукам</i>	100	101	6	6	6%	6%	0%	41	20%
<i>Моление Даниила Заточника</i>	50	45	8	7	16%	15,5%	+3%	37	39%
<i>Слово о полку Игореве</i>	108	67	9	6	8%	9%	+1%	16	9%
<i>Сказание об Иудейском царстве</i>	20	22	3	0	15%	0%	[+15%] ¹	10	24%
<i>Повесть временных лет</i>	192	86	14	3	7%	3,5%	+100%	9	3%

¹ Квадратные скобки указывают на условность приводимой цифры. Поскольку в данном произведении инфинитивная форма глаголов с десемантизированной приставкой вообще не встретилась, напрямую высчитать процентное преимущество глаголов с полнозначной тут не удается (требовалось бы 3 разделить на ноль). Поэтому мы вынуждены были пойти на произвольное допущение и принять, что если последних в форме инфинитива 15 процентов от их общего числа, то и их преимущество перед первыми составляет те же 15%.

мым глаголами с полнозначной приставкой сценариям событий, то этой цели могла служить весьма простая стратегия, состоящая в избегании переходных глаголов — ибо такие глаголы в общем случае имплицитуют и большее количество участников, и более протяженные причинно-следственные связи, в первую очередь связи между действиями участника-агенса и изменениями в участнике-пациенте; связи эти могут опосредоваться инструментом, средством, иногда же и несколькими инструментами/средствами¹⁹, а потому единство соответствующей ситуации становится тут более проблематичным²⁰.

Действительно, как показывает приводимая ниже Таблица 2, во всех обследованных произведениях, кроме одного, частотность непереходных глаголов с полнозначной приставкой выше, чем частотность обладающих семантически опустошенным префиксом глаголов, причем выше в некоторых текстах на десятки процентов, а в «Повести временных лет» — на 237 %, почти в три с половиной раза.

Что касается ожидаемой обратной корреляции между частотностью непереходных глаголов с лексическим префиксом и частотностью вторичных (прото)имперфективов, то и она здесь налицо. В первых — обнаруживающих более высокую частотность таких непереходных глаголов — четырех текстах вторичные (прото)имперфективы составляют в среднем 13,75% от общего числа приставочных глаголов, а в последних четырех, где частотность у непереходных глаголов с полнозначным префиксом существенно меньше, — уже 20,75%, то есть в полтора раза больше²¹.

Можно добавить, что если бы мы взяли из таблицы только первые три произведения, в которых доля непереходных глаго-

¹⁹ См.: W. Croft, *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*, University of Chicago Press, Chicago 1991.

²⁰ Особенно хорошо это видно в тех примерах, где действия агенса как будто направлены на пациенс, но при этом без проясняющего контекста остается непонятным, вызвали ли они в пациенте изменение. Скажем, фраза *Иван оскорбил Петра* обычно понимается в смысле 'Петр почувствовал себя оскорбленным', однако в принципе может быть продолжена и в духе *...но Петр этого так и не понял* — то есть таким образом, что действия агенса и реакция пациенса по сути предстают как две по крайней мере относительно самостоятельные событийные сущности.

²¹ Подробнее: в первых четырех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов составила 3%, 12%, 20% и 20%, в последних четырех — 9%, 24%, 11% и 39%. $3 + 12 + 20 + 20 = 55$; $55 : 4 = 13,75$. $9 + 24 + 11 + 39 = 83$; $83 : 4 = 20,75$.

Таблица 2.
Непереходные приставочные глаголы и вторичные (прото)имперфективы (порядок произведений соответствует убыванию преимуществ, которое имеется у непереходных глаголов с полнозначной приставкой перед непереходными глаголами с десемантизированной)

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
Памятник	Общее число глаголов с полнозначной приставкой	Общее число глаголов с десемантизированной приставкой	Число непереходных глаголов с полнозначной приставкой	Число непереходных глаголов с десемантизированной приставкой	Доля непереходных глаголов с полнозначной приставкой (по сравнению с общим числом обладающих полнозначной приставкой глаголов)	Доля непереходных глаголов с десемантизированной приставкой (по сравнению с общим числом обладающих полнозначной приставкой глаголов)	Насколько доля непереходных глаголов с полнозначной приставкой больше или меньше, чем доля непереходных глаголов с десемантизированной приставкой (в процентах)	Число вторичных (прото)имперфективов в тексте	Соотношение числа вторичных (прото)имперфективов и числа приставочных глаголов (в процентах)
<i>Повесть временных лет</i>	192	86	113	15	59%	17,5%	+ 237%	9	3%
<i>Сказание о Борисе и Глебе</i>	200	174	90	44	45%	25%	+ 80%	44	12%
<i>Хождение Богородицы по мукам</i>	100	101	58	34	58%	33,5%	+ 73%	41	20%
<i>Притча о челявеческой душе и теле</i> <i>Кирилла Туровского</i>	130	100	63	33	48,5%	33%	+ 47%	48	20%
<i>Слова о полку Игореве</i>	108	67	53	23	49%	34%	+ 44%	16	9%
<i>Сказание об Индийском царстве</i>	20	22	14	12	70%	54,5%	+ 28%	10	24%
<i>Повесть о разорении Рязни Батыем</i>	131	88	54	33	41%	37,5%	+ 9%	24	11%
<i>Моление Даниила Заточника</i>	50	45	16	15	32%	33%	- 3%	37	39%

лов с полнозначной приставкой максимальна, и последние три, где она предельно мала, то картина станет еще выразительнее: в первых трех случаях среднее соотношение между количеством вторичных (прото)имперфективов и количеством приставочных глаголов будет 11,66%, а в последних трех — 24,66%, больше уже вдвое с лишним²².

3.3. НЕЭРГАТИВНЫЕ НЕПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЛНОЗНАЧНОЙ И С ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННОЙ ПРИСТАВКОЙ. ИХ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ И ЧАСТОТНОСТЬ ВТОРИЧНЫХ (ПРОТО)ИМПЕРФЕКТИВОВ

Теперь нам есть смысл сосредоточиться на самих непереходных глаголах.

Как хорошо известно, последние могут быть разбиты на два подкласса: так называемые неаккузативы и неэргативы²³. Неаккузативны глаголы, которые обозначают ситуацию, ставшую результатом внешнего воздействия на ее субъект, то есть, упрощенно говоря, сообщают о том, что с ним *случилось* (ср. *упасть (неумышленно), заболеть, ооченеть, испариться (о жидкости)* и т.п.). Неэргативные глаголы подразумевают субъект, *осуществляющий действие по своей воле*; таковы, например, при одушевленном субъекте глаголы *сидеть, лежать, встать, прийти, уйти, закричать* и т.п.

Очевидно, что часто принадлежность глагола к неаккузативным либо неэргативным зависит от контекста, поэтому при работе с древними памятниками его пришлось постоянно учитывать. Например, глагол *уснути* трактовался как неэргатив, если имел значение ‘уснуть’, и как неаккузатив в значении ‘умереть’. Изначально двусмыслен в интересующем нас плане и глагол *напол-*

²² Подробнее: в первых трех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов — 3%, 12% и 20%, в последних трех — 24%, 11% и 39%. $3 + 12 + 20 = 35$; $35 : 3 = 11,66$. $24 + 11 + 39 = 74$; $74 : 4 = 24,66$.

²³ См. уже классическую работу: D. Perlmutter, *Impersonal Passives and the Unaccusative Hypothesis* // *Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1978, vol. 4: 157–190. Грамматически неаккузативы и неэргативы различаются целым рядом (не всегда универсальных, но в отдельных случаях специфических для каждого языка) поведенческих особенностей, однако нас будет интересовать их семантическое своеобразие.

нитися. Вообще говоря, если кто-то чем-то наполнился (скажем, гневом), это как правило происходит при очень заметном участии внешних обстоятельств (так называемого *стимула*), однако фрагмент *наполнился ратного духа* из Слова о полку Игореве наверняка подразумевает неэргативную интерпретацию, так как является частью предложения *Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до ныншнего Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наполнился ратного духа, наведе своя храбрья плъкы на землю Половецкую за землю Рускую*, где нашему глаголу в сочинительном ряду и предшествуют, и следуют за ним глаголы недвусмысленно агентивные, и пойми мы его как неаккузативный, это нарушало бы хорошо известные закономерности синтаксического сочинения.

Для нас оппозиция между неаккузативами и неэргативами чрезвычайно важна потому, что в общем случае описываемая вторыми ситуация имеет более простую структуру, ибо причина действия локализована в субъекте, а если глагол неаккузативен, то имплицитно более длинную каузальную цепочку. Иными словами, удержать в целостности связанный с неэргативом сценарий в общем случае проще, и потому логично ожидать, что по крайней мере в некоторых древних текстах среди интранзитивов с полнозначной приставкой доля неэргативных окажется больше, чем их доля среди переходных глаголов с приставкой десемантизированной.

Этот прогноз полностью оправдывается. Соответствующее преимущество обнаружено нами даже не в некоторых, а во всех обследованных произведениях, хотя его величина колеблется весьма значительно, от 11 до 139 процентов. Статистические данные представлены ниже в Таблице 3.

Что же касается корреляции между относительным числом неэргативов с полнозначной приставкой и относительным числом вторичных (прото)имперфективов, то она носит обратный (чем меньше первых, тем больше вторых) и при этом совершенно несомненный, почти ошеломительный характер. В первых четырех произведениях, где, напомним, частотность интересующих нас неэргативов наибольшая, доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов в среднем составляет 8,75%, а в последних четырех произведениях, с наименьшей частотностью обсуждаемых неэргативов, доля эта —

Таблица 3. Негативные переходные приставочные глаголы и вторичные (прото)имперфективы (порядок произведений соответствует убыванию преимуществ, которое имеется у переходных неггативных глаголов с полнозначной приставкой перед переходными неггативными глаголами с десемантизированной)

1. Памятник	2. Число переходных глаголов с полнозначной приставкой	3. Число переходных глаголов с десемантизированной приставкой	4. Число переходных глаголов с полнозначной приставкой и с неггативной семантикой	5. Число переходных глаголов с десемантизированной приставкой и с неггативной семантикой	6. Доля переходных глаголов с полнозначной приставкой и с неггативной семантикой (по сравнению с общим числом обладающих полнозначной приставкой переходных глаголов)	7. Доля переходных глаголов с десемантизированной приставкой и с неггативной семантикой (по сравнению с общим числом обладающих десемантизированной приставкой переходных глаголов)	8. Насколько доля переходных неггативных глаголов с полнозначной приставкой больше или меньше, чем доля переходных неггативных десемантизированной приставкой (в процентах)	9. Число вторичных (прото)имперфективов в тексте	10. Соотношение числа вторичных (прото)имперфективов и числа приставочных глаголов (в процентах)
<i>Повесть временных лет</i>	113	15	89	5	79%	33%	+ 139%	9	3%
<i>Слово о полку Игореве</i>	53	23	43	9	81%	39%	+ 107,5%	16	9%
<i>Повесть о разорении Рязани Батыем</i>	54	33	43	13	79,5%	39%	+ 104%	24	11%
<i>Сказание Бориса и Глеба</i>	90	44	69	20	76,5%	45,5%	+ 68%	44	12%
<i>Сказание об Иудейской церкви</i>	14	12	11	6	78,5%	50%	+ 57%	10	24%
<i>Притча о человеческой душе аттеле Кирилла Туровского</i>	63	33	56	22	89%	66%	+ 23%	48	20%
<i>Житие Божьей Матери по мучкам</i>	58	34	55	28	95%	82%	+ 16%	41	20%
<i>Моление Даниила Заточника</i>	16	15	13	11	1%	73%	+ 11%	37	39%

25,75%, так что различие практически *трехкратное*²⁴. Если взять первые три и последние три текста из таблицы, то соответствующие цифры составят 7,66% и 26,66%, где вторая превосходит первую уже без малого в *три с половиной раза*²⁵.

3.4. ОБЩАЯ ЧАСТОТНОСТЬ ОБЛАДАЮЩИХ ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННОЙ ПРИСТАВКОЙ ГЛАГОЛОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ГЛАГОЛАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ ПОЛНОЗНАЧНОЙ ПРИСТАВКОЙ, И ЧАСТОТНОСТЬ ВТОРИЧНЫХ (ПРОТО)ИМПЕРФЕКТИВОВ

Наконец, в некоторых текстах между префиксальными глаголами с полнозначной и с десемантизированной приставкой имеется очень простая функциональная асимметрия, заключающаяся в относительно редком употреблении вторых: в *Повести о разорении Рязани Батыем* и *Слове о полку Игореве* число их составляло лишь около двух третей от числа обладающих лексическими префиксами глаголов, а в *Повести временных лет* не достигло даже его половины. Подробные данные представлены в Таблице 4.

Как было уже упомянуто в начале работы, чем меньше доля глаголов с десемантизированной приставкой, тем скромнее фон, на котором ощущалась бы относительная смысловая сложность, свойственная глаголам с полнозначной, а следовательно, тем слабее должна чувствоваться существующая в плане смысловой сложности асимметрия между первыми и вторыми; и наоборот, там, где число первых ближе к числу вторых, заявить о себе она должна определеннее. С этим обстоятельством хорошо согласуется наблюдаемая тут прямая корреляция между распространенностью глаголов, обладающих десемантизированным префиксом, и распространенностью вторичных (прото)имперфективов. Их доля от общего числа приставочных глаголов в первых четырех текстах составляет в среднем 23,75%, а в по-

²⁴ Подробнее: в первых четырех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов составила 3%, 9%, 11% и 12%, в последних четырех — 24%, 20%, 20% и 39%. $3 + 9 + 11 + 12 = 35$; $35 : 4 = 8,75$. $24 + 20 + 20 + 39 = 103$; $103 : 4 = 25,75$.

²⁵ Подробнее: в первых трех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов составила 3%, 9% и 11%, в последних трех — 20%, 20% и 39%. $3 + 9 + 11 = 23$; $23 : 3 = 7,66$. $20 + 20 + 39 = 79$; $79 : 3 = 26,33$.

Таблица 4.
 Распространение приставочных глаголов с десемантизированной приставкой и вторичные (про)имперфективы
 (произведения упорядочены в соответствии с тем, насколько велика доля обладающих десемантизированной приставкой глаголов
 по сравнению с числом приставочных глаголов, чья приставка полнозначна)

1. Памятник	2. Общее число глаголов сполнозначной приставкой	3. Общее число глаголов с десемантизированной приставкой	4. Доля глаголов десемантизированной приставкой от числа глаголов сполнозначной	5 Число вторичных (про)имперфективов в тексте	6 Соотношение числа вторичных (про)имперфективов к числу приставочных глаголов (в процентах)
<i>Сказание об Индийском царстве</i>	20	22	110%	10	24%
<i>Жизденье Богородицы по мусам</i>	100	101	101%	41	20%
<i>Молвенье Давида Златочника</i>	50	45	90%	37	39%
<i>Сказание о Бордисе и Глебе</i>	200	174	87%	44	12%
<i>Притча о человеческой душе и теле</i> Кирила Туровского	130	100	77%	48	20%
<i>Повесть о разорении Рязани</i> <i>Батыеи</i>	131	88	67%	24	11%
<i>Слова о полку Игореве</i>	108	67	2%	16	9%
<i>Повесть временных лет</i>	192	86	45%	9	3%

следних четырех — 10,75%, то есть в два с лишним раза меньше²⁶. Если сравнить первые и последние *три* текста, то цифры окажутся еще более непохожими: 27,66% и 7,66% — с различием почти четырехкратным²⁷.

4. ВЫВОДЫ

Напомним: гипотеза, которую мы хотели проверить, была двух-частной.

Одна ее часть заключалась в предположении, что поскольку древневосточнославянские глаголы с лексической приставкой имплицировали более сложный и, значит, когнитивно более «хрупкий» сценарий, нежели глаголы с приставкой семантически опустошенной, так сказать, прото-чистовидовой, постольку носители языка по крайней мере спорадически, в отдельных произведениях должны были принимать особые меры, чтобы в первом случае сценарий этот консолидировать.

Мы предположили, что подобная консолидация могла бы достигаться по крайней мере четырьмя способами: могла избегаться инфинитивная форма глаголов с полнозначной приставкой; они могли тяготеть к непереходности, а непереходные — к неэргативности; глаголы же с десемантизированной приставкой могли использоваться существенно реже, чем глаголы с полнозначной.

Действительно, соответствующие асимметрии в ряде произведений обнаружены, причем нередко они обладают безусловной статистической значимостью.

Иное дело, что в некоторых текстах прогнозируемых асимметрий практически нет (они могут измеряться несколькими процентами) или, даже наоборот, есть асимметрии противоположного характера.

Здесь принципиальную важность приобретает вторая составляющая нашей гипотезы: ожидалось, что чем меньше в данном

²⁶ Подробнее: в первых четырех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов составила 24%, 20%, 39% и 12%, в последних четырех — 20%, 11%, 9% и 3%. $24 + 20 + 39 + 12 = 95$; $95 : 4 = 23,75$. $20 + 11 + 9 + 3 = 43$; $43 : 4 = 10,75$.

²⁷ Подробнее: в первых трех произведениях доля вторичных (прото)имперфективов от общего числа приставочных глаголов составила 24%, 20% и 39%, в последних трех — 11%, 9% и 3%. $24 + 20 + 39 = 83$; $83 : 3 = 27,66$. $11 + 9 + 3 = 23$; $23 : 4 = 7,66$.

памятнике имеется функциональных асимметрий, служащих интеграции сценария, к которому относит глагол с лексическим префиксом, тем частотнее должны быть суффиксальные (прото)имперфективы. Это предположение подтвердилось во всех случаях, причем если в одном (речь об употреблении инфинитивных форм) соответствующая корреляция была слабой, то в трех остальных ее статистическая значимость едва ли вызывает сомнения, ибо релевантные различия составили около 50, около 100 и даже около 200 процентов (см., соответственно, п. 3.2, п. 3.4 и п. 3.3).

Отсюда разумно заключить, что распространение вторичных (прото)имперфективов носило отчасти компенсаторный характер и служило той же цели, что избегание инфинитивной формы глагола с полнозначным префиксом, тяготение таких глаголов к непереходности и неэргативности и стремление ограничить число глаголов, чей префикс десемантизирован.

С одной стороны, вторичные (прото)имперфективы становились вторым лексикализованным наименованием того же самого действия, о каком говорил приставочный глагол, и этим подтверждали рутинность данного действия, его укорененность в многократно воспроизводимом опыте; с другой же стороны, по закону прагматического «распределения функций» они в значительной степени взяли на себя обозначение незавершенных действий и тем самым позволили воспринимать действие, обозначаемое приставочным глаголом, как всегда или почти всегда завершенное, от начала до конца принадлежащее одному — чаще всего реальному — миру и оттого, благодаря такой кодификации, для нашего сознания выигрывающее в своей целостности.

Очевидно, перед уклонением от инфинитивов и переходности, перед тяготением к неэргативной семантике и редукцией числа глаголов с содержательно «опустошенной» приставкой использование вторичных (прото)имперфективов как гармонизирующая стратегия обладало колоссальным преимуществом.

Во-первых, в отличие от этих труднозаметных без специального анализа приемов, вторичный (прото)имперфектив был средством вполне эксплицитным и хорошо распознаваемым.

Во-вторых, он был средством унифицированным, тогда как названные выше четыре приема весьма различны. Помимо этого, не исключено, что они составляют лишь часть более широкого и в своей полноте пока не выявленного репертуара «интегрирующих» средств.

Наконец, в-третьих, и свобода не использовать инфинитивную форму глагола, и тем паче свобода обойтись без глагола переходного и неаккузативного, и свобода не использовать глагол с десемантизированным префиксом по ясным причинам очень жестко ограничены речевым и ситуационным контекстом (даже относительно слабая оформленность переходности и обилие лабильных глаголов в ДВС языке едва ли серьезно меняют дело) — тогда как на вторичный (прото)имперфектив никакие подобные рестрикции не налагались.

Таким образом, весьма вероятно, что помимо своей общепризнанной функции — представлять действие в его протекании или в его повторяемости — вторичные (прото)имперфективы служили еще и описанной выше особой цели и здесь можно видеть дополнительную причину, почему язык в них так нуждался и почему в определенный период их распространение было столь стремительным.

Напоследок отметим одну связанную с нашим исследованием типологическую проблему.

Наш материал свидетельствует, что если в языке есть как полнозначные, так и десемантизированные глагольные приставки, то при некоторых дополнительных условиях (главным тут является, наверное, достаточно широкое распространение приставок «пустых») два соответствующих глагольных класса могут языком восприниматься как несходные и, так сказать, не по праву обретающие однотипный структурный облик. Закономерен вопрос, каким образом каждый отдельный язык выходит — и вообще пытается ли выйти — из этого затруднения. По-видимому, иные славянские языки выбрали ту же стратегию, что и древневосточнославянский, и компенсаторным механизмом тут было все большее развитие вторичных (прото)имперфективов, но конкретными сведениями на этот счет мы не располагаем. Вообразим, однако, и другой путь, выбрав который, язык просто *избавился* бы от десемантизированных префиксов, и полезно поинтересоваться, действительно ли это где-то произошло²⁸.

²⁸ За консультации, помощи автору в написании статьи, он благодарит Павла В. Петрухина. Сердечное спасибо — Петру М. Аркадьеву, который прочел первую версию рукописи и высказал ряд замечаний, позволивших ее существенно доработать. За обстоятельную критику сердечное спасибо также трем анонимным рецензентам журнала „Przegląd Rusycystyczny”. Разумеется, все недочеты остаются на совести автора.

REFERENCES

- Bermel, Neil. *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Publications in Linguistics, 1997.
- Croft, William. *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Dickey, Stephen. *Parameters of Slavic Aspect*. Stanford: Stanford CSLI Publications, 2000.
- Dickey, Stephen. “The varying role of *po-* in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: Sequences of events, delimitatives, and German language contact.” *Journal of Slavic Linguistics*, 2011, no 2.
- Dickey, Stephen. “Parameters of Slavic Aspect Reconsidered: The East-West Aspect Division from a Diachronic Perspective.” Shragar, Miriam, Andrews, Edna, Fowler, George, and Franks, Steven (eds.). *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2015.
- Endresen, Anna, Janda, Laura, Kuznetsova, Julia, Lyashevskaya, Olga, Makarova, Anastasia, Nessel, Tore, and Sokolova, Svetlana. “Russian ‘purely aspectual’ prefixes: Not so ‘empty’ after all?” *Scando-Slavica*, 2012, no. 2.
- Horn, Laurence. “Toward a new taxonomy for pragmatic inference: Q-based and R-based implicature.” Schiffrin, Deborah (ed.). *Meaning, Form, and Use in Context*. Washington: Georgetown University Press, 1984.
- Maslov, Yuriy. *Izbrannye raboty*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. [Маслов, Юрий. *Избранные работы*. Москва: Языки славянской культуры, 2004].
- Perlmutter, David M. “Impersonal Passives and the Unaccusative Hypothesis.” *Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1978, vol. 4: 157–190.
- Schooneveld, Cornelis van. “The so called ‘préverbes vides’ and neutralization.” *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958*. The Hague: Mouton, 1958.
- Silina, Vera. “Istoriya kategorii glagol'nogo vida.” Avanesov, Ruben I., and Ivanov, Valeriy V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva: Nauka, 2004 [Силина, Вера. “История категории глагольного вида.” Аванесов, Рубен И., Иванов, Валерий В. (eds.). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Наука, 1982].
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)*. Avanesov, Ruben I., Krys'ko, Vadim B. at al. (eds.). V 11 tomakh. Moskva: Russkiy yazyk, 1988–2008. [*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Аванесов, Рубен И., Крысько, Вадим Б. и др. (eds.). Москва: Русский язык, 1988–2008].
- Sreznevskiy, Izmail. *Materialy dlya slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym raturatnikam*. T. 1–3. Sanktpeterburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1893–1912 [Срезневский, Измаил. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. Санктпетербургъ: Типографія императорской академіи наукъ, 1893–1912].
- Vey, Marc. “Les préverbes ‘vides’ en tchèque modern.” *Revue des études slaves*, 1952. T. 29, fasc. 1–4.
- Wiemer, Björn, and Serzhant, Ilja. “Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us?” Bisang, Walter, and Malchukov, Andrej (eds.). *Unity*

and diversity in grammaticalization scenarios. Berlin: Language Science Press, 2017.

Zel'dovich, Gennadiy. "O prirode protovidovoy oppozicii v drevnerusskom yazyke." *Wiener Slawistischer Almanach*, 2015. Band 75 [Зельдович, Геннадий. "О природе протовидовой оппозиции в древнерусском языке." *Wiener Slawistischer Almanach*, 2015. Band 75].